

*Посвящается Сергею Козубенко
и Вячеславу Клыкову, создателям
памятника княгине Ольге во граде Пскове*

*«Я с вами во все дни до
скончания века. Аминь»*

Евангелие от Матфея гл. 28

ПСКОВ. НА КРОМУ¹ .

ПРОЛОГ

Будь сто веков благополучен,
Мой град, судьбы моей исток!
Ты с детства витязем могучим
Казался мне, и нем и строг.
Часами в юности, бывало,
Осенним неприветным днём
Я в хмуром городе гуляла,
Мне всюду мнились тайны в нём.
Булыжник старых Псковских улиц,
Плитняк Довмонтовых палат –
Безмолвен камень, потому ли,
Что знает весь мирской уклад?
Кром дремлет, точно страж уставший.
Все звуки здесь приглушены,
Здесь часто дождь кропит тишайший
Резные листья бузины.
Струй шелест – будто глас смиренный.
Щекой приникла я к стене,
Казалось, доверяя мне,
Заговорил мой град почтенный
Про Русь за сумраком эпох,
Где нет сиянья в слове «Бог»,
О становленьи и борьбе,
О славной Ольгиной судьбе.

Молва, княгиню пережив,
Всё меньше правда, больше – миф,
Спустя уж больше ста веков
Изрядный повод для стихов,
Где правда в вымысел поэта,
Как нить в ушко иглы, продета...

1. СТАРАЯ КНЯГИНЯ

Холодный, светлый день осенний
Уже к закату солнце нёс,
Гоня облачные тени,
Мял травы ветер, словно пёс.
На берег, где у ног катила
Свинец днепровская вода,
Седая женщина всходила,
Нетороплива и горда.
Не в пышном княжеском уборе -
Во впалых старческих висках,
В несуетном спокойном взоре,
В увитых жилами руках
Читалось воли превосходство.
Вещала клинопись морщин
О разуме и благородстве,
Что мнятся в слове «господин».
Она взошла на холм устало
(Ходьба давалась ей с трудом).
Поодаль свита поджидала.
Княгине стоило перстом
Чуть повести – скамью, меха ли,
Платок ли, хлеба и вина
Ей тотчас на берег подали б.
Но зачарованно она
Во временной блуждает дали,
И нет во взоре – видит Бог-
Ни сожалений, ни печали.
Бесстрастен лик её и строг.
Но вот, уставшая княгиня,
Чуть голову поворотя,
Манит, и верная рабыня -
Сей миг у Ольгина локтя.
- Малуша, - подалась к ней Ольга. –
Нет, ничего. Домой пойдём.
И молча шла. Спросила только,
оставшись в горнице вдвоём:
- Зачем ты служишь мне, древлянка²,
чураясь чести и даров?
- Ты знаешь, - молвила служанка,

поправив госпоже покров. –
Со дня, как не погибла в поле,
я здесь, послушная судьбе.
- О нет, голубка, Божьей воле.
Я это знаю по себе.

Кто ведать может промысел Господень?
Без Вышней воли волос не падёт.
Всяк в одиночку путь судьбы проходит,
Но с каждым по пути идёт народ.

2. ВСТРЕЧА

Откуда – ни слуге не знать, ни князю -
Нагрянет то, что все зовут судьбой:
В пути догонит, встретит на пороге,
Метнётся ли, как зверь, наперерез?
А может, в той бокастой плоскодонке
Подчаливает к скошенным мосткам
И озирает князя, будто зоря:
Приветливо, а словно бы поверх?
«Ох, я ж тебя, красава, заломаю», -
Подумал Игорь, в лодку заступив
И бросив лис убитых деве в ноги.
- Перевези, - велел, а на воде
запястья стиснул юной незнакомке.
Та на него без робости глядит:
- Коль господин, так воля твоя свята –
возьмёшь меня, но мёртвой, из реки.
И подалась за качкий борт лодчонки,
Но вдруг раздумав, села на скамью:
- Да ты не князь.
- Почто? – он глаз сощурил.-
Не вышел ликом, платье не по мне?
Мнишь, тать презренный лис набил украдом
во княжеских владеньях. Донеси –
на Выбутах³ у вас стоят варяги.
Ответ селянки молодца смутил:
- Не тот властитель, кто губил, желая,
а тот, кто, и желая, не сгубил.
Не тот хозяин, чьи леса и реки,
а кто хозяин самому себе.
На том и лодка ткнулась носом в берег,
князь ветерком взбежал на косогор.
- Как звать тебя, мудрёна? - молвит.
- Ольгой.
- Сватов внедолге, Ольга, поджидай.

Отважная селянка из-под Пскова
Княгиней стала Киевской Руси.
Когда б рассказ на этом был закончен,
Его вообще не стоило писать.

.....

Судьбы дороги неисповедимы.
О, если б знать, откуда что грядёт...
Едва вспомнят князя вместе с Ольгой,
Её поднесь же помнят без него.

3. СМЕРТЬ КНЯЗЯ. ГИБЕЛЬ ДРЕВЛЯНСКИХ ПОСОЛЬСТВ

В два дня домчались к Киеву древляне,
Подстёгивая вороных коней
Черней хвоста сорочьего вестями,
Ночи ноябрьской вороной черней:
Мы на полюдьё Игоря убили⁴,
А Ольгу Малу⁵ нашему хотим.
И гости в ожидании застыли,
Но лучше в пепел превратиться им.
Ах, горюшко, змеиное ты жало;
Отравлено княгинино житьё.
Наш князь-то люб? - посольство вопрошало,
А лучше бы кричало вороньё.
Как мало слов. Как много изменилось.
И в камень превратился Ольгин лик,
И словно бы телега накатилась
На грудь княгини, сердце и язык.
Гортань, свинцом как будто налитая,
Её почти не слушалась теперь:
Решенья пусть до завтра ожидают.
Подите все и затворите дверь.
О, как окаменелыми губами
Непросто даже слово произнестъ,
Но коль для госпожи над племенами
Есть тоже повелитель – княжья честь, -
Безжалостной стать должно, как мужчине,
Мужчины ради – чада своего⁶,
Не после, а сейчас во имя сына
Отринуть чувства, все до одного.
И повелела Ольга горожанам
На площади копать глубокий ров,
А чтоб к утру он напился жаром,
Прожечь в нём больше хворосту и дров.
Наутро все посольские древляне
Нашли во рву мучительную смерть.
Но этим, гомонили киевляне,

Навряд ли утолится княжья месть.
Второе тоже сгнуло посольство⁷;
Давно древлянам не было вестей.
Упрямый Мал, вовлѣкшись в жениховство,
Не прозревал княгининых затей.
По языкам, однако, расходилась
Тревога, будто волны по воде:
Народ не верил в киевскую милость:
Всѣ тихо – это значит, быть беде.
Но вот и весть, что ждали и не ждали:
С Днепровских берегов в Искоростень⁸
Грядѣт обоз через лесные дали
С невестой. С Ольгой! Нужно лишь на день
Ей на могиле мужа задержаться,
Почтить в бесчестье опочивший прах
Да тризною великой оправдаться
За пыл любовный и за новый брак.
Мал воинов к ней выслал подначальных
Навстречу пятитысячный отряд
С тяжѣлой ношей мѣдов поминальных,
Чтоб княжий щедро был свершѣн обряд.

4. НА МОГИЛЕ КНЯЗЯ ИГОРЯ

Всѣ кончено. В тумане предрассветном
Тела, тела да липкая трава.
И тихо так, как будто в мире этом
Одна княгиня только и жива.
Пять тысяч полегли... Ходила Ольга
Меж убиенных чѣрная, как тень.
И что-то солнце не вставало долго,
Земли, наверно, испугался день.
Кругом всѣ трупы. Ратник вон, парнишка
Лежит, что спит вольготно среди мхов.
Сын Ольгин, Святослав, велик не слишком,
Тож будет воин через пять годков.
Невольно княжич к матери метнулся:
Среди недвижных скорчившихся тел
Костлявой скорбной тенью куст качнулся.
Как прост и страшен воина удел!
Вот он, итог отпущенных ей суток.
(О, Мал, пославший стольких на убой!)
Обман удался. Лишь на сердце смута
И лада у княгини нет с собой...
Всходило солнце, ничему не радо.
Лучи и кровь резни в одно слились.
По диким тропам киевлян отряды
К Искоростеню змеями вились.

5. ПЕРЕГОВОРЫ

О, как порой жестока очевидность:
И надо б верить, да не вмоготу.
Скорей уменьем ратным, чем воочью
Дозор почуял: ближние лески
Наполнились движеньем, загустели
Войсками, будто варево крупой.
Искоростенцы заперли ворота,
Готовясь не сдаваться без борьбы.
Когда дружинник Малу на рассвете
Тревожно обстановку доложил,
Мол, киевляне город осадили,
И веет вовсе тут не сватовством,
Князь разумом прозрел, но что до сердца -
Тому хотелось брака, хоть умри.
(Смерть, впрочем, угрожала и без свадьбы,
Навряд ли предстояло выбирать).
На стенах крепостных народ собрался,
В предчувствиях недобрых вдаль глядел:
Из тени леса выехали трое,
К Искоростеню полетели вскачь,
Над ними белый стяг, как птица, бился.
Искоростень не отворил ворот-
Народ не верил в замирение с Ольгой.
Но кто бы жизни детям не хотел?
В молчанье хмуром княжескому слову
Внимал древлянский осаждённый град:
- Уж отомстила. Уведу на Киев
Войска, лишь дань за мужа получу.
- По правде молвить, и платить-то нечем...
- Ой ли? Ни воробья, ни голубка?
Возьму всего по птице с домочадца,
Но только чтоб сегодня, не позднее.
Как не поверить в то, что любо слышать?
Сумела Ольга город убедить.
Искоростенцы наскоро собрали
Крылатую воркующую дань.

6. ГИБЕЛЬ ИСКОРОСТЕНЯ

О, птицы, птицы, кроткие созданья,
Не знают птахи человеческих дум,
Ни козни им неведомы, ни нужды
В товариществе, мести и войне.
Откуда птицам знать, что трут горящий,
Невольно принесённый в коготках,

Привязанный им воями на лапки,
Мучительной погибелью грозит?
В родные гнёзда птицы устремились –
Туда, где переможется беда
И умалится боль. Но малой искре
Там тоже есть чем силы напитать
И стать всепожирающим пожаром.
Как зверь, он поднял лапы, лют и слеп,
Виновных нет ему и нет безвинных,
Всё – пища. Всем - погибель. И народ
Бежал, снеся ворота городские,
Но киевский был наготове меч,
Разивший всех, кто спасся из пожара,
Не разбирая лиц и возрастов.
Поодаль Ольга с княжичем и свитой
Окружно проезжали на конях.
Гнедой вдруг прынул: под его копытом
Травяно-земляная каша вдруг,
Зашевелясь, ком плоти обнажила;
Беспомощные детские глаза
Смотрели в грудь коню, и отползала,
Трясущейся ручонкой заслонясь,
Девчушка, не зарубленная воем,
Забытая в кровавой толкотне.
В очах ребячьих увидала Ольга
Глаза недолго живших дочерей,
Которых ей не довелось лелеять⁹,
И княжича тревожные глаза,
И было что-то в них ещё такое –
Не от земли, не от людей. Вдова
Малышку на коня к себе сажает
И чувствует тепло её и дрожь.
Молчит княгиня, на пожар не смотрит,
А город будто скорчился и лёг.
Вот-вот с дымами в небо воскурятся
Последний стон и боль последних мук.
Глядеть на то нет надобы и силы.
На Киев бы пора поворотить.
И как рога чудовищной улитки,
Втянулись в лес отряды киевлян.
Неспешно едут, ветви отклоняют.
Молчание угрюмое прервав,
Спросила Ольга имя у найдёнки.
- Малуша, - та ответила, шепча.
- Малуша, - эхом повторила Ольга
и после горько усмехнулась: -Мал...

7. МАА

Непостижимо женское коварство.
Будь проклята, любимая моя.
Лишь на твоей груди алкал я царства, —
Ты жизнь и честь украла у меня.
Древляне гибли в муках и обиде,
Я с ними только умереть и смог.
Народ меня, наверно, ненавидел.
Из всех богов — любви лютейший бог.
О, женских чар обманчивое иго:
Любовью называл я злую месть.
Не всё ль равно, князь Мал я или Игорь?
Бесславная нас уравнила смерть.
И умерший, народом проклинаям,
Из памяти глубин взываю я,
Кто обольщён, отринут, презираем:
Будь проклята, любимая моя.

8. СВЯТОСЛАВ

Я вырос для войны, я — воин, воин,
И сеча мне сподручней, чем суды,
Погосты, дань, налоги. Я спокоен,
Когда от этой волен маяты.
Пусть это всё пребудет в попеченье
Великомудрой матери моей.
Поменьше б только ластились с ученьем
Магометанин, хитрый иудей.
И льнут и льют устами сладко мёды
(Мню, лести много, а корысть одна),
Всяк к сердцу госпожи торит подходы,
Да Ольга к легковерью не склонна.
По мне ж держава та непобедима,
Где воинским успехам счёту нет,
В слитой дружине сила господина,
Почёт и долговластия секрет.
Я верю в то, во что и воин в сече,
Бог ратников - и князю божество.
Изранит враг - Малуша всё залечит,
Есть конь да меч — и будет таково.

9. МАЛУША

Я прикипаю к Ольге больше, больше,
Хотя питать бы ненависть должна.
Суровости её броня всё тоньше,

Всё ближе и роднее мне она.
Не звать мне Ольгу матерью своею,
Но скорбь любую за неё стерплю.
Княгиня смотрит на меня теплее,
Когда я Святославича¹⁰ кормлю.
Я с госпожой своею на полюдьё,
На межеваньях спорщиков-князей.
У кривичей, полян, у меря, чуди
Я следую, как ниточка, за ней.
Служу, в затеи Ольги не вникая,
В каких погостах¹¹ с ней ни появлюсь,
К княгине - вижу,- также прикипает
Разрозненная родовая Русь.
Вон данники: всё с честью да поклоном,
С руки княгини разве что не пьют,
Суды чинят не силой, а законом,
Крови в междоусобицах не льют¹².
Но всех счетов к себе у ней – не на год,
И с совестливым сердцем нелады;
Как видно, отпущенья вин и тягот
Ей не дают державные труды.
Где взять ей мира в сердце, у кого же?
Перун одобрил ту лихую месть,
А искупленья даровать не может.
Но чувствую, надежда всё же есть:
В часу, когда растает день-кормилец
В прозрачной постепенной темноте,
К нам тихо входит инок византиец
Повествовать смиренно о Христе,
Как в знойных землях кроткий Назарянин,
Презрев обильный хлеб, просторный кров,
Благое слово правды нёс мирянам,
Он сам был – свет, и правда, и любовь,
О Матушке небесной, Всецарице,
Кто милостью не минет никого,
О том, как полегли каппадокийцы¹³,
Являя смертью веры торжество.

10. ВИЗАНТИЯ

Угрюмый Понт был к людям благосклонен,
Как бусины, с ладони на ладонь
Пересыпал ладьи славян и руссов,
Лопатой ветра в спину подгребал.
И виделись надоблачному оку
Они змеёй в безжизненных песках,
Стремящейся к ещё незримой цели.
Стрела пути вела людей в Царьград,

Но больше знал Небесный Наблюдатель:
Цель каждого – в себе, земных дорог
К ней нет.
Но Русь желала Византии.
Вот горизонт стал тёмн и волнист:
Надменный город выплыл из тумана,
Рассыпался широко по холмам.
На русичей взирал, чуть вскинув брови,
Вскормлённый златом Константинов двор.
Искать в нём дружбы – княжеское ль дело?
Святого покровительства Христа
Единственно княгиня Ольга алчет.
О том и речи долгие ведёт,
Всем сердцем веру обрести желая.
За словом слово - чистый острый ум
И женская, и царственная гордость
Затмили образ диких тех краёв,
Откуда гостья русская явилась.
Беседами с княгинею пленён,
Царьградский властелин Багрянородный¹⁴
Не только крестным Ольги стать готов.
Придворные шипят в углах дворцовых:
- Он ей себя в супруги предложил.
И то была воды чистейшей правда,
Скрывать её не думал господин.
-Мне должно быть одной с тобою веры, -
промолвила княгиня. (Мал кусок,
Вскормить способный страстную надежду).
Внедолге киевлянку окрестив,
Ждал Константин и брачного согласия.
Ответ был Ольгин на вопрос похож:
-Ты, отче, крестный мой, а разве может
Отец быть мужем дочери своей?
Быстрее птиц уносятся надежды.
Казалось, в Константиновой руке
Бьёт крыльями, трепещет птица счастья,
Да вот поди ж ты... Властелин не мог
Прогневаться на киевскую гостью,
И на обратный путь благословил.
Не чая берегов, ладья княгиню,
Вздымая нос, несёт домой на Русь.
Безмерный Понт - как сумрачная Лета,
Влекущая в неведомую даль,
В туманную грядущую Россию
С суровыми чертами образов,
С большими коренастыми церквами,
Что как душа народа, как судьба,
Как иноки, святые страсотерпцы,
Как витязи – защитники страны.

Княгиня, взяв Малуши руку,
Сидит недвижно, будто спит,
Растущему внимая звуку,
Что где-то за дверьми царит.
Дверь распахнулась, и вбегают
Мальчишки – внуки мал-мала,
В игру какую-то играют
И не выказывают зла.
Шумят, смеются. Ольга, веки
Подняв, следит за детворой:
Сколь жизни в малом человеке!
Особенно вон тот, второй
По росту, сын её Малуши
И Святослава¹⁵, белокур,
В любой игре, в ученье лучший
И ликом никогда не хмур -
Владимир, Солнышко... Средь думок
Смежила бабушка глаза.
Шум отдалился, дрёмы сумрак,
Сну уступая, раздался.
Толпа приснилась, в центре – двое:
мужи. И слышит их она:
– Проститься мы пришли с тобою,
И ты, княгиня, прощена.
Виденья в краткий миг не стало,
Всё поглотил туманный вал,
Но Ольга тех мужей узнала.
То Игорь-князь и рядом – Мал.
Прощенье – вот, к чему подспудно
Душа стремилась столько лет,
И с ним покинуть мир нетрудно,
Уйти в небесный тихий свет.
Пусть вечность сковывает вежды,
Но о Руси печали нет:
Владимир – вот её надежда –
Поднимет православный крест.
Во внуке Ольгином смешалась
Кровь бывших недругов-племён,-
Грядущее Руси, казалось,
Молило, чтоб он был рождён.

ЭПИЛОГ. МОЛИТВА

Ещё не ясно смысл осозная,
А только ощущая силу слов,
Не мозгом – сердцем, нервом понимаю:
Что есть для нас Вселенская любовь.
Кто первый услышал в себе молитву
И кто в словах её запечатлел?
С ней на устах шёл человек на битву,
С ней горемык и странников жалел...
Её напевность, будто рек разливы,
Нам омывают души, бытиё.
Свет есть во всём, что создано с молитвой,
Темны деянья наши без неё.
Чрез Ольгу Русь вняла Господню слову,
И долго жить училась по нему,
И припадала к образам Рублёва,
И кланялась Софии на Кромю¹⁶.
Быть может, тихим иноческим словом
Библейские княгине чудеса
Открыли мир в незримом свете новом,
Душевные отверзли очеса.
И была о сорока каппадокийцах
Руси разноплемённой – точно луч:
Когда бы верой истинной сплотиться¹⁷ –
Народ родится, стоек и могуч,
Кому не в страх ни битвы, ни лишенья,
Ни странствия в иные берега,
Кто никнет перед Господом в смиренье
И гневно меч подымлет на врага.

Примечания:

Кром (1) – высокое укрепленное место (Кремль) средневекового города.

«**Зачем ты служишь мне, древлянка**» (2)– Малуша, ключница княгини, была из радимичей.

«**На Выбутах у вас стоят варяги**» (3) - Выбуты – поселение недалеко от Пскова, родина княгини Ольги. Ближние к нему леса были княжескими ловищами – местами охоты Киевских князей. Варяги составляли дружину молодого киевского князя Игоря.

«**Мы на полюдье Игоря убили**» (4) - Древляне привязали князя Игоря к двум пригнутым берёзам и разорвали. Полюдье – сбор дани.

«**...Малу нашему хотим**» (5) - первое древлянское посольство пришло в Киев не только, чтоб сообщить Ольге об убийстве мужа, но и посватать её за князя Мала, данника Киева.

«**Мужчины ж ради – сына своего**» (6) - единственный сын Игоря и Ольги - Святослав.

«**Второе тоже сгнуло посольство**» (7) - второе посольство древлян по приказу княгини было сожжено в бане, куда обманным радушием и посулами заманили знатных сватов Мала по приказу Ольги.

Искоростень (8) – столица древлян.

«**Глаза недолго живших дочерей**» (9) - Ольгины новорожденные дети умирали во младенчестве.

Святославич (10) – будущий великий князь Киевской Руси. Его мать, Малуша, была сослана княгиней Ольгой в Будутину весь (близ Пскова), где и появился на свет бастард Володимер, в грядущем - Владимир Креститель.

Погосты – гостевые избы, где останавливались князь и знать, а также территории – единицы административного государственного устройства, впервые установленного княгиней Ольгой на подвластных землях.

«**Крови в междоусобицах не льют**» (12) - за многолетнее правление Ольги (ок. 60 лет?) на Руси не случилось ни одного вооруженного междоусобного конфликта.

Речь идёт о сорока святых воинах (13) - каппадокийцах, принявших мученическую смерть во имя православной веры.

«**Царьградский властелин Багрянородный**» (14) – императоры Византии появлялись на свет в специальных покоях, обитых красной тканью – символом власти и могущества, оттого именовались Багрянородными. В данном случае речь идёт о Константине Багрянородном, крестном отце княгини Ольги.

«**Сын её Малуши и Святослава...**» (15) - будущий князь Владимир Креститель был незаконнорожденным и не имел шансов занять Киевский стол.

«**И кланялись Софии на Кромю**» (16) - Софийский собор в Киеве – жемчужина древнерусского зодчества.

Православная вера (17) сыграла главную роль в становлении русского народа.